

Мери Ли

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПЕПЕЛ

НАСЛЕДИЕ

Мери Ли

Пепел. Наследие

Серия «Пепел», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67295855

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир постапокалипсиса царит на земле уже более шестидесяти лет. Не мертвые, что разрушили цивилизацию, мутировали и стали более неуязвимы. Выжившие города нашли компромисс и продолжают существовать. Люди адаптировались и позабыли, что раньше мир был иным. И когда кажется, что все наладилось, в мою размеренную жизнь возвращается он... Все меняется в одночасье. Гонимая целью найти отца, я оказываюсь за пределами защитных стен города. Мой путь тернист и ужасен, но я даже не подозреваю, какого рода охота открыта на меня. Рождённая в любящей семье в разгар апокалипсиса, я являюсь самой обычной-необычной девушкой нашего времени. Моё имя Джил, и это моя история. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	31
Глава третья	49
Глава четвертая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Мери Ли

Пепел. Наследие

Пролог

Более шестидесяти лет назад цивилизация рухнула.

Мир распался, он был растоптан и уничтожен. В один миг множество людей превратились в чудовищ, они нападали на самых близких и поедали их. Те, кому удалось сбежать и не быть съеденными, а просто укушенными, в течение короткого времени обращались всё в тех же монстров. По неизвестной причине некоторым удалось остаться не обращенными, но это с натяжкой можно назвать удачей. Ведь мир изменился, он поделился на две части – на живых и не мертвых.

К сожалению, я не застала прекрасного процветающего мира. Я не видела величественные многоэтажные здания, не наблюдала, как множество машин несутся в ночи по идеально ровным дорогам шумного города. Я не была в музеях или на выставках. Я не гуляла в парках и скверах. Я не забираюсь в горы и не ныряла с аквалангом.

Я много чего не делала.

И, к сожалению, уже не сделаю.

Я родилась девятнадцать лет назад, в этот, казалось бы, замечательный день было пролито много крови и слез. Всё дело в том, что мой папа – Майкл – является носителем гена не мертвых. Когда он был маленьким, его укусила тварь, но

он не обратился как остальные, он унаследовал от твари силу и слух. Моя мама была обычным человеком, без каких-то странных наборов генов, но когда она была беременна мной, её тоже укусила тварь, и она должна была умереть. Мистер Хантер – глава Хелл – убил бы её на месте, но папа как рыцарь в сияющих доспехах, на красном мотоцикле, вместо белого коня, спас маму. Спустя сутки она не обратилась, но и не приобрела способностей отца. Это было странно, до того момента, пока доктор Макларен не сказал, что мама не обратилась из-за чудо-дителя в её утробе.

Это чудо – я.

Но если быть честной, во мне нет ничего чудесного. Я самая что ни на есть обычная, заурядная девушка. Доктор Макларен умер, когда мне было семь лет, и все семь лет моего детства он пытался найти причину моей нормальности. Не нашел.

Единственное, что меня отделяет от обычных людей, – это медленное сердцебиение. У меня нет суперслуха или суперскорости. По словам Макларена, во мне есть мутаген, но он спит и проснется ли... неизвестно. И что вообще должно пробудить его? Укус твари? Беременность? Переливание крови? Никто не знает.

Ну, я думаю, обо мне достаточно разговоров. Лучше я расскажу вам, что случилось с миром после падения.

Когда не мертвые начали нападать на живых, случился хаос. Погибло очень много людей. Настолько много, что ни од-

на война не способна была перекрыть число жертв апокалипсиса. Но были те, кто воспользовался ситуацией и воздвиг стены, построил города и установил там свои правила. Одним из таких людей был мой дед. Всё, что я слышала от мамы, что этот мудак не достоин даже разговоров о нем. Но папа рассказал мне, что мистер Моррис отстроил Черную Пантеру, он ставил опыты над людьми, над детьми. Его задача была создать несокрушимую армию тварей, которые бы беспрекословно служили ему. Благодаря мощи этой армии, он стал бы абсолютным властителем мира.

И всё, казалось бы, просто – живые должны сплотиться и сражаться за право жизни на земле, но не тут-то было. Живые начали рвать остатки мира и делить его между собой, от этого люди и проиграли. Не мертвые, или как их по-другому называют – твари, заполонили всё свободное пространство и стали охотиться. Их вели жажда и голод. Редко кому удалось унести ноги, но тогда, ещё около двадцати лет назад, живые не подозревали, что те твари – это только цветочки. Со временем они изменились, как внешне, так и внутренне. Они стали собираться в стаи, их мозг, который, как все думали, мертв, заработал.

Произошло ужасное. Мутанты стали умнее.

К этому выжившие не были готовы, и под напором усовершенствованных тварей города стали проседать. Продовольствие, военные, машины больше не могли с легкостью преодолевать расстояние от города к городу, и тогда на Совете

Четырех было принято решение построить железную дорогу. Мистер Хантер бросил практически все силы на это. Погибло очень много людей, но дорога была возведена. Маршрут – Хелл-Крест-Возрождение-Подземелье. И так по кругу. Наличие поезда упростило жизнь нашим городам, стало на много меньше потерь.

Вернемся к моей семье. Мой дед, ныне покойный, не подозревал, что падет от руки молодого правителя Хелл. Мистер Хантер построил империю и сверг мистера Морриса. У главы Хелл были на то причины, он долгие годы ждал момента, когда сможет отомстить, а мой дед все эти годы, даже не догадывался, кому перешёл дорогу. Очевидцы говорят, возмездие было очень кровавым и жестоким. Меня там не было, но я не сомневаюсь, что мистер Хантер смог отомстить как полагается.

После того как злодеи были повержены и городами стали править новые люди, мистер Хантер и мой папа отправились на поиски новых поселений. Они были уверены, что мы не последние, кто остался в живых. Из-за построения железной дороги, нападок тварей и болезней нас осталось катастрофически мало.

Поселения нашли. Два города, что ближе всего к нам. Убежище и Оплот. И с этими городами мы наладили торговлю и вполне сносные отношения, но семь лет назад в небе мы впервые увидели самолет. Настоящий, большой и белый. После того как он пролетел над нашими землями, пришли во-

оруженные люди, которые решили, что они – высшее правительство земли, и потребовали наши отстроенные города себе.

Чужеземцы называли себя Коалиция.

И вот уже семь лет мой папа и мистер Хантер ведут переговоры, но, боюсь, что очередной войны нам не избежать.

Я против какого-либо насилия. И не понимаю, почему люди, которых и без того осталось мало, продолжают уничтожать сами себя. Папа говорит, что такова наша природа, и даже останься на планете три человека, каждый из них будет тянуть покрывало на себя.

Крест – мой родной город, в котором я родилась и прожила большую часть своей жизни, выращивает основную часть продовольствия. Правит городом уже на протяжении пятнадцати лет мой отец – мистер Майкл. Мама всегда стоит невидимым кардиналом, но есть официальная правая рука папы – мистер Гриро. Однажды он спас отца, буквально вытащил из пасти тварей. Это послужило толчком их крепкой дружбе и дальнейшему сотрудничеству.

Хелл – это военная база наших городов, там обучаются лучшие солдаты. И это не удивительно, ведь их тренирует Майкл. И нет, это не мой отец. Майкл был одним из подопытных детей моего деда, моя мама спасла его, но он был вынужден уехать из Креста в Хелл, и мистер Хантер воспитал его как второго сына. А первый сын – Чарли, является единственным полноправным наследником Хелл.

Возрождение – это третий город из четырех. При правлении моего деда этот город носил иное имя – Чёрная Пантера. Но как только дядя Чейз пришёл к власти, то тут же снёс столб, что был предназначен для казней и показательных пыток, а также дядя Чейз переименовал город. Раньше там правили дядя Чейз и тетя Эмбер, но три года назад мутанты пробрались в город, они как-то отключили купол и убили одну четвертую населения. Всё произошло ночью, люди спали в своих постелях, но мутанты не спрашивают, когда им прийти. Правящая чета были в своём доме, и когда напали чудовища, то Чейз и Эмбер бросились на второй этаж, где спали их дети – Итан и Джон. Они стояли на страже лестницы и отбивались от тварей в течение трех часов. Их разорвали на части. В тот раз мутанты не пришли за едой, они пришли с мыслью об убийстве. До детей им добраться не удалось, и с тех пор Итан и Джон живут в Хелл.

По классике жанра, Возрождение должно было стать моим наследием, но за все девятнадцать лет я так ни разу там и не была. Этот город служит тюрьмой для заключенных, что ожидают смертную казнь.

Последний город, если его можно так назвать, – это Подземелье. Раньше правителем этого места был Сенатор, но после его смерти, спустя несколько лет, когда в Возрождении не осталось места для заключенных, на Совете Четырех было принято решение отстроить Подземелье и сейчас это место для покинутых. В основном здесь живут и работают лю-

ди без семей. Также это самая большая тюрьма.

Это была предыстория, но дальше я поведаю о себе. О самой обычной-необычной девушке нашего времени. Я живу в эпоху мутантов, сломленных судеб, потерь и страданий. Но также это время надежды, веры в лучшее будущее и, несомненно, любви.

Меня зовут Джил, и это моя история.

Глава первая

Джил

Иду по слабо освещенному коридору и киваю охранникам в знак приветствия. Они отвечают мне тем же. Тихие шаги эхом отзываются от стен длинного коридора. Я уже достаточно привыкла к этому месту, и оно больше не навевает жути, как было раньше. Останавливаюсь у нужной двери.

– Доброе утро, Джордж, – с улыбкой говорю я охраннику.

– Доброе-ли, мисс Джил? – как всегда спрашивает он.

– Прекрати называть меня мисс, – в тысячный раз прошу его я, пока он открывает дверь камеры.

– Я постараюсь, – говорит он и отходит в сторону.

Вхожу в маленькую комнату и встречаюсь с печальным взглядом Тобрета. Семидесятилетний старик смотрит на меня и кивает в знак приветствия. Дверь за мной закрывается, и я без страха подхожу к своему пациенту.

– Доброе утро, Тобрет. Как спалось?

– Как в тюрьме, – отвечает он.

– Не нужно было нарушать закон, – напоминаю ему и достаю тонометр. Но я и без прибора вижу, что Тобрету плохо. Одышка, красное лицо и то, как он потирает грудь, говорит о новом приступе артериальной гипертензии.

– Я не виноват, что твой отец придумал эти нелепые законы.

– Они не нелепые.

– Ага, расскажи мне, Тепличный Цветочек, как выжить в апокалипсис, не родясь в обеспеченной семье.

– Думаю, нужно работать, – отвечаю и смотрю на монитор прибора. 210/100. – Нужно поставить укол.

– Снова? – морщится старик.

– Боюсь, что да.

Тяжело вздохнув, Тобрет закатывает рукав синей тюремной рубы и подает мне руку. Для Подземелья выделяют не так много лекарств, и использовать их можно только в случае, если человек сидит не на пожизненном сроке. Для тех медицина более недоступна.

– Ты думаешь, я не работал? Работал, ещё как! Я пахал как могучая лошадь, но в таком возрасте как я сейчас... меня никто не брал, и тогда я сделал "это".

– Ты ограбил лавку миссис Донован, от страха за свою жизнь, она испугалась так, что её сердце остановилось.

– Я же не знал, что она помрет, – Тобрет хмурится и уже более тихо добавляет, – Донован всегда выглядела здоровой.

– Но не была такой.

Я знаю Тобрета всю жизнь, он жил в Кресте, моём родном городе, через две улицы от моего дома. Мне тяжело видеть его здесь, но так же я понимаю, что без адекватной системы правления и наказания оставшимся городам долго не протянуть. Каждый должен отвечать за свои поступки.

– Тебе осталось два года, и ты выйдешь на свободу, – на-

поминаю ему я.

Старик опускает рукав на место и ложится на кушетку, что служит ему кроватью уже пять долгих лет.

– Боюсь, стены Подземелья – это последнее, что я увижу в своей жизни.

Укол начинает действовать, веки старика опускаются, и Тобрет засыпает. Думаю, он снова не спал всю ночь. Его мучают кошмары. Не из-за смерти миссис Донован, а из-за того, что он видел за периметром Креста. Он рассказывал мне, что за три года до налета на лавку миссис Донован ходил в дозор с моим отцом и видел своими глазами, как твари поедали людей. И ему кажется, что рано или поздно они придут и за ним. Это был далеко не первый раз, когда Тобрет увидел тварей, но именно тот день сразил его психику окончательно.

Бросив печальный взгляд на старика, покидаю его камеру и иду дальше.

– Доброе утро, Милена, – приветствую я единственную охранницу в этом царстве сломанных судеб.

– Боже, Джил, ты всё ещё здесь? Где носит твоего отца, почему он до сих пор тебя не забрал? – и этот разговор тоже повторяется изо дня в день.

– Думаю, у него есть дела куда поважнее, – отвечаю я и вхожу к следующему пациенту.

– Доброе утро, мистер Харрис, – здороваюсь я с могучей спиной тридцатилетнего дезертира. Он лежит на боку и ни-

как не реагирует, ставлю на пол легкий чемоданчик и вновь обращаюсь к заключенному. – Мистер Харрис, пора вставать, – говорю я и подхожу к нему ближе.

Замираю.

Его спина недвижима.

– Мистер Харрис?

В ответ тишина.

Подхожу ещё ближе и смотрю сверху вниз на серый силуэт молодого лица.

Мистер Харрис... мертв. И судя по цвету его кожи, уже не один час.

Проверяю пульс и зову Милену.

– Что? – кричит она из-за двери.

– Мистер Харрис мертв, – говорю я и жду, когда откроется дверь.

Милена не заставляет себя ждать и, быстро войдя в камеру, запирает за собой дверь.

– Точно? – спрашивает она.

– Точнее некуда, – отвечаю я.

Дальше идет банальная процедура. Я записываю данные, дату и примерное время смерти, а после эти записи отправят его семье, если она у него имеется, если же нет, то они будут храниться в картотеке Подземелья. Раньше подобные события приводили меня в тихий ужас, но оказывается, что с течением времени человек привыкает ко всему. И я привыкла. Привыкла, что периодически нам приходится прощаться с

заключёнными навсегда. Не все из них плохие люди, есть те, кто оступившись хочет вернуться к прежней жизни, есть и те, что не считают себя виновными. Но каждого из них жаль. Они умирают без возможности попрощаться с родными.

Распроставшись с мистером Харрисом, обхожу ещё семейных своих пациентов, а после позволяю себе вернуться в комнату. После обеда у меня лекции и я должна прийти в себя после очередной смерти заключенного. Кейт, моя лучшая подруга, говорит, что я к этому привыкну, но не уверена, что смогу это сделать окончательно. Да, я стала относиться проще к смерти подопечных, но всё ещё не могу выкидывать мысли о них в эту же секунду.

Спустя два часа и один пропуск обеда, я сижу в кабинете на лекции по мутации тварей. Несмотря на то, что мы уже закончили обучение при Подземелье, мы обязаны два раза в неделю приходить на курс повышения квалификации. Иногда нам рассказывают про тварей, иногда – про историю "мира до" или про новейшую историю "мира после". Были случаи, что к нам приводили военных, и они рассказывали о своих подвигах, однажды тут выступал Майкл. Его специально вызвали из Хелл, и он был этим крайне недоволен, но зато я была рада.

И зря.

При воспоминании о том дне мне становится дурно. Всю жизнь до двенадцати лет я росла с пониманием, что Майкл, как и Чарли, мне брат, но в пресловутые двенадцать лет всё

изменилось. Я увидела, как Майкл целовался с девушкой и тогда я... я... да заревновала я. И лелеяла в себе это чувство ревности три года. Я не могла сказать Майклу, что каким-то странным образом детская привязанность переросла во влюбленность. В первую глупую и наивную влюбленность. Мне было так стыдно и неудобно, что я стала его избегать. Он был нечастым гостем в Кресте, и я наивно думала, что однажды я забуду его удивительные глаза и найду себе парня.

Парня-то я нашла, но вот Майкла так и не забыла. Я скажу вам больше, когда мне исполнилось пятнадцать, мама и папа устроили мне день рождения и пригласили туда друзей из Креста, близнецов из Возрождения, а также Майкла и Чарли. Они приехали, и весь праздник я избегала его. Ровно до того момента, пока Кейт не нашла меня под лестницей моего же дома и не заставила пойти и признаться Майклу в глупых девичьих грезах.

Я противилась, но несколько глотков крепкого алкоголя развязали мне язык.

К черту этот день!

Так низко я не падала никогда.

Будучи уверенной из-за слов подруги, я пошла на поиски мужчины моей мечты. Нашла я его на улице. Он стоял возле крыльца и смотрел на Чарли, который уже увивался за очередной свободной, или не очень свободной, юбкой.

Я остановилась напротив Майкла и, пока не передумала, встала на носочки и быстро поцеловала его. Да это даже по-

целуем я могу назвать с натяжкой. С такой очень-очень натяжной натяжкой. Я прилипла к его губам и прикрыла глаза, а он не ответил. Я отпрянула и ждала, когда он что-то да скажет мне. Но он молчал. Просто смотрел на меня и, черт его дери, молчал! Я до сих пор помню, как чувствовала стыд на своих огненных щеках. И я не успокоилась на этом. Я спросила его: "Неужели я тебе совсем не нравлюсь?", и он ответил, что я ещё слишком мала, чтобы понять его ответ.

Вот и всё.

Я стояла и молилась всем богам на свете, чтобы они отмотали время вспять, и я бы никогда к нему не подошла. Но ни один бог меня не услышал, или они просто решили мне не помогать.

Мы так и стояли друг напротив друга. И он смотрел на меня как на глупое дитя. А я возненавидела его. Но продлилось это недолго. Через год он приехал в Крест и сказал мне, что уезжает с мистером Хантером в новые города и не знает, когда вернется. Слезы закипели в моих глазах. Я так боялась, что он больше не вернется, но какая-то глупая гордость не отпустила меня. И я до сих пор жалею, что не попрощалась с ним хотя бы как с одним из моих лучших друзей, а ведь именно им он и был, до моего глупого поцелуя.

– Так он поедет с нами или нет? – спрашивает Кейт.

Стараюсь записать всё, что нам говорит учитель, но подруга постоянно сбивает меня с толку своими вопросами. Кейт сидит позади меня и постоянно тычет мне в спину то

пальцем, то карандашом. В Подземелье я вообще оказалась из-за неё. Она поехала, чтобы следить за здоровьем своего родного отца. И вы не подумайте, она не переживает за его благополучие, она скорее хочет быть первой, кто узнает о его смерти.

– Не знаю, – отвечаю я.

– Боже, да отвлекись ты уже! – громкий шепот подруги затмевает наискучнейшую лекцию.

Откладывая карандаш, оборачиваюсь назад и, бросив недовольный взгляд на Кейт, отвечаю:

– Я не знаю. Если ему дадут отгулы, то поедет, если нет, то нет. От меня это не зависит.

Блондинка с голубыми глазами хмурится и спрашивает:

– И ты даже не расстроишься?

Пожимаю плечами и честно отвечаю:

– Думаю, расстроюсь.

– П-ф-ф. Расстроится она, видите ли. – Кейт закатывает глаза и продолжает. – Конечно, это же не наш драгоценный Майкл.

Быстро озираюсь по сторонам и наклоняюсь к подруге.

– Прекрати.

– А что? Он давно тебе сказал, что ты ребенок, а ты продолжаешь слюни по нему пускать. Глупость и только. Ты его уже сколько не видела? Четыре года?

– Не пускаю я слюни, – отвечаю я и поправляю неточность данных Кейт. – Три с половиной.

– Ха! – восклицает подруга и тычет в меня пальцем. – Ты что, дни в календаре зачеркиваешь? – Кейт открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же прикусывает язык и произносит, – упс.

В группе повисает тишина, и не оборачиваясь назад, я спрашиваю у подруги:

– Прямо за моей спиной сейчас стоит мистер Беринар?

– Боюсь, что да, – отвечает громкий мужской голос.

Чёрт!

Оборачиваюсь и смотрю на преподавателя. Он смотрит на меня и поправляет очки, которые и до этого идеально на нем сидели.

– Джил, я думаю, что тебе будет полезна информация, которую я пытаюсь до вас донести.

– Да, конечно, – моментально соглашаюсь я.

– Ни черта подобного, – отвечает подруга.

Учитель переводит на неё взгляд и говорит:

– Я в вас не сомневался, Кейтлин. Вы скорее всего не доживете и до двадцати пяти, знаете почему?

Кейт выгибает дугой бровь и спрашивает:

– Проведу всю жизнь в пьянстве и наркомании?

– Нет.

– А, жаль, – пожимает она плечами.

– Нет. Не жаль. С вашими нынешними знаниями, останься вы за пределами защищенных городов, вы умрете через три дня.

Лицо Кейт олицетворение пофигизма.

– Вы что, пророк?

– Нет. Я был там, – говорит учитель и поднимает штанину, все знают, что у него нет ноги, её замещает деревянный протез. – И я выжил.

– Но лишились ноги, – совершенно бестактно напоминает подруга.

– Да.

– Но не жизни, – подсказывает ему Кейт.

– Думаю, тебе следует посетить директора, – говорит преподаватель, а щеки его багровеют от злости. Не удивительно. Кейт выведет любого.

– Не хочу вас расстраивать, но я там уже была. И сегодня, и вчера, и скорее всего завтра тоже навещу нашего директора.

Учитель переводит на меня взгляд и говорит:

– Джил, не поддавайся своей подруге. Ты не глупа, и я верю, что...

Мистер Бериар не договаривает, открывается дверь кабинета, и к нам входит директор. Мисс Эвери выглядит как слабый ребенок-подросток, но на самом деле ей уже больше пятидесяти. Это женщина со стальным стержнем и высокими ожиданиями от своих людей.

Она проходит вглубь класса и, остановившись за трибуной, говорит:

– Уважаемые сотрудники, рада сообщить, что ваши экза-

мены переносятся, – вокруг все начинают тихо возмущаться, но стоит директору поднять руку, как все замолкают, – ну, не стоит быть недовольными. Через три дня к нам придут представители Хелл, Возрождения и Креста, и отберут лучших из лучших.

Подруга тычет мне в спину карандашом и говорит:

– Боже! Мистер Хантер приедет?

– Не думаю, – отвечаю я и слышу, как моё сердце набирает обороты.

Может приедет... Майкл?

Да глупости это и только.

Мне должно быть безразлично, приедет он или нет.

Но мне небезразлично. Даже мысли о нём заполняют меня печалью. Наша последняя встреча до сих пор напоминает о горечи, испытанной мною, о боли в груди и о понимании, что мы точно не будем вместе. Я ему не нужна. Мы потеряли дружбу и не стали кем-то большим. Даже не попытались.

– Да он же мужчина-мечта! – шипит мне на ухо подруга, и я вынырываю из своих мыслей и вспоминаю, что мы вообще-то говорили о мистере Хантере. – Я б ему отдалась.

– Боже, Кейт, прекрати! – говорю я, сдерживая смех. – Он старше тебя, и у него есть жена.

– Да в курсе я, – фыркает подруга, – постоянно портишь мне настроение.

Разговоры Кейт о мистере Хантере никогда не кончатся. Она моя ровесница, ей тоже девятнадцать, но она решила,

что дядя Хантер – мужчина её мечты. И главное её утверждение в том, что сколько бы красавиц вокруг него не вышло, "определенный" взгляд его крышесносных глаз достоин только одна – Саманта. Мечта Кейт – чтобы кто-то так же смотрел на неё. Она уверяет, что лишь за один такой взгляд можно любить безоговорочно и преданно.

– Прошу вас быть максимально собранными и получить должности в высших кругах, я искренне надеюсь, что кто-то из вас выберется из этой дыры, – заканчивает директриса, обводит всех нас взглядом и удаляется.

– Кейтлин, я бы посоветовал тебе прислушаться к словам директора и...

Подруга даже не дает договорить учителю.

– Мистер Беринар, вы же знаете, что я лучшая подруга Джил, а она, к счастью, приходится родной дочерью мистери Майклу – главе Креста, а мистер Хантер ей практически крестный отец, и вы думаете, что результат экзаменов повлияет на то, возьмут нас или нет?

Мистер Беринар сжимает пальцами переносицу и шепчет:

– Ты неисправима.

– Так и не нужно стараться меня изменить, – отвечает Кейт и мило, но наигранно, улыбается преподавателю.

Он решает не отвечать ей и, вернувшись на трибуну, продолжает лекцию:

– Как вам известно не мертвые изменились. И меняются по сей день. Что их на это сподвигло? – спрашивает он у

меня.

– Эволюция, – отвечаю я.

– Правильно, – подтверждает учитель, – эволюция. Им, как и людям когда-то, пришлось подстраиваться под законы мира. Единственное, что не изменилось – только то, что не мертвые слепы. К счастью для нас, зрением они обделены, но на их стороне сила, слух и обоняние. К счастью для нас, не все не мертвые эволюционировали. Те, что были двадцать лет назад, не так страшны, но те, что сейчас разгуливают по земле, очень опасны. Их кожа стала толще – как у быка. Её не так легко пробить ножом, а порой и пуля не справляется со своей задачей. Их скорость достигает до ста миль в час, их слух распознает ваше дыхание на расстоянии ста метров. Никто из вас не видел их вживую, только картинки, нарисованные очевидцами, и слышал рассказы тех, кто выходил за пределы, но вы должны понимать, что отныне не человек является завершающим звеном эволюции. Не мертвые правят миром, а мы только подстраиваемся.

Учитель продолжает рассказывать об этом, уже в десятый, а то и в пятнадцатый раз.

Осматриваю серую комнату, которая расположена в здании под землей. Когда-то много лет назад моя мама жила здесь. Существовала. Именно на этом месте она всегда поправляет меня. Люди, что находились здесь практически двадцать лет, даже не подозревали, что происходило на поверхности. Именно в этих серых бетонных стенах мама по-

знакомилась с папой. Они много об этом рассказывали. Потом они преодолели тяжелый путь, полный боли и лишений, но в итоге смогли остаться вместе и счастливы по сей день. Казалось бы, это идеальный конец истории любви, но мама... она по-прежнему зависит от вакцин, которые делают из папиной крови. Раз в месяц ей приходится ставить себе укол, иначе, она... Да никто не знает, что с ней случится в случае неполучения дозы. Возможно, она умрет или превратится в не мертвого.

Надеюсь, мы никогда этого не узнаем.

Моя подруга Кейтлин осталась без мамы, её отец в порыве пьяного угара убил женщину прямо на глазах подруги. Ей было десять, и после того, как отца посадили в Подземелье, у неё никого не осталось. Мы познакомились, когда нам было по одиннадцать, и тогда я узнала, что она целый год живет одна. Несмотря на строгую просьбу Кейтлин, я рассказала о ней родителям. И после долгих уговоров, она стала жить с нами.

Отныне убийство карается пожизненным заключением. И отец подруги всю жизнь проведет в стенах Подземелья. Он больше никогда не увидит солнца или луны. Только бетон, пыль и синюю робу.

Когда мы стали старше, Кейт решила, что поедет в Подземелье, мне совершенно не обязательно было ехать, но я не смогла с ней расстаться. Я уговорила маму и папу отпустить меня, тем более что два раза в год мы возвращались домой.

В какой-то степени Подземелье стало не только тюрьмой, но и местом, куда приезжают подростки, у которых больше ничего нет. Они здесь живут, учатся, работают и иногда им выпадает шанс покинуть это место и уехать обратно в один из наших городов, там им предоставят шанс на лучшую жизнь, чем была до этого.

В Подземелье обучают врачей, военных, инженеров. Профессии, которые даже после падения мира нужны всем.

Мама всегда хотела, чтобы я стала врачом, а папа настаивал, чтобы я стала военным. Не из-за того, чтобы я могла идти в бой, а для самозащиты. Он тогда сказал: "Если Джил будет отменным бойцом, то ей и не придется залечивать свои раны". Маме вообще тяжело противостоять отцу, и она согласилась на мои изнурительные тренировки. Жаль, что от них ничего не изменилось. Отменным бойцом я так и не стала.

Я рада, что родилась именно в этой семье.

Кейт уверена, что любви нет, а вот я знаю – она есть. Я видела это каждый день. То, как мама и папа смотрят друг на друга, надеюсь, что когда-нибудь и я буду удостоена такого же взгляда. Мои родители поддерживают и относятся с невиданным пониманием к советам и просьбам своей второй половины. Они всегда находят компромисс. Но раньше им это давалось намного сложнее.

Учитель заканчивает лекцию, мы ещё пару раз отвечаем на банальные вопросы и уходим в тренировочный зал. Ме-

сто, которое я ненавижу.

– Джил! Подними руки выше! Что они болтаются без дела?! – кричит мистер Рой, и я поднимаю свои ватные конечности. – Вот так! Диего! Чего ты её жалеешь? Бей со всей силы!

И Диего слушает тренера и со всей дури бьет по моим перчаткам. Которые в свою очередь отскакивают мне в лицо. Падаю на пятую точку и прикрываю лицо перчатками, на глазах моментально появляются слезы боли.

– Твою мать, – скулю я, – больно ведь.

Дядя Рой подходит ко мне и подает руку. Помогает встать и говорит:

– Джил, это никуда не годится.

Снимаю перчатки и хватаюсь за нос. Вроде не сломан.

– Я знаю, – отвечаю я, но не могу применить свои знания рукопашного боя на практике. Отец положил столько сил на моё обучение, а я так и не стала тем, кем он хотел меня видеть. Я вообще за любое другое решение дилеммы. Ведь можно всё решить без рукоприкладства? Всё, кроме встречи с не мертвым.

– Твой отец, как и твоя мать...

Дальше предпочитаю не слушать. Вот она обратная сторона медали знаменитых родителей. Меня постоянно с ними сравнивают, и от этого уже тошно. По всем законам жанра я должна быть какой-то супер сильной и всемогущей, но я обычная, даже немного хуже обычной. Я единственная в

своём роде. Во время беременности мама была укушена не мертвым и должна была умереть, но отец спас её и спасает по сей день. Мой папа вовсе не заурядный человек, его сила, слух и зрение лучше, чем у любого из нас. Он тоже особенный, и ему за это были дарованы плюшки, а мне нет. Я единственная девочка, рожденная с мутировавшим геном, который никак себя не проявляет. Доктор Макларен до своей смерти пытался понять, как помешать открыться этому гену, и был убежден, что он так и останется в коконе, не проявит себя.

Есть похожие на меня люди. Это сын мистера Хантера Чарли и Майкл. Но их ген открыт и получается, что они взяли всё самое лучшее из видов – человека и не мертвого. Они обладают совсем незаурядными качествами.

– Да поняла она! – слышу голос своего парня.

Да, он у меня имеется. Оборачиваюсь на голос, и тут же слезы бегут градом. Истон преодолевает расстояние до ринга, залезает на него и крепко прижимает меня к своей груди.

– Чёрт возьми, Диего, нужно быть аккуратнее, – говорит он и, подняв моё лицо за подбородок, спрашивает, – ты как?

– Больно, – отвечаю я и снова прячусь в его объятиях.

С Истоном мы уже полтора года вместе, он родом из Хелл, но возвращаться туда не планирует. Он работает в Подземелье с тринадцати лет и ему уже трижды предлагали переехать в процветающие города, но он не уезжает. Причин этого он не называет, но я рада, что он рядом со мной.

– Идем, – говорит Истон и уводит меня с ринга.

– Почему все сравнивают меня с мамой и папой? – спрашиваю я у него, покидая тренировочный зал.

– Потому что они живая легенда, как и несколько других личностей.

Кейт подстраивается к нам и говорит мне:

– Скажи спасибо, что тебя не сравнивают с дедом и бабушкой, они у тебя ещё то дерьмо.

– Спасибо, – говорю ей.

В коридоре мы расходимся, я направляюсь в свою комнату в компании Истона, а Кейт говорит, что у неё какие-то сверхважные дела.

По дороге в комнату Истон рассказывает мне, как прошел его день, я же успеваю рассказать о том, что сегодня умер ещё один заключенный.

Доходим до комнаты, и открыв дверь, я замираю на пороге.

В моей комнате, которая, кажется, стала в три раза меньше обычного, стоит Майкл. Его руки сложены на груди, а короткие рукава черной футболки подчеркивают мышцы. Взгляд парня исследует моё лицо, а позже опускается на мою руку, которая до сих пор покоится в руке Истона. Моё первое желание – отнять руку, словно я делаю что-то недозволенное, но вовремя спохватившись, я, наоборот, сильнее сжимаю ладонь Истона.

– Здравствуй, Майкл, – слишком тихо говорю я.

– Кто это? – спрашивает незванный гость, не отрывая от меня взгляда янтарных глаз.

Истон выпускает мою ладонь и делает шаг к Майклу, протягивает руку и представляется:

– Истон, парень Джил.

Майкл переводит на него взгляд, не пожав руку и ничего не сказав в ответ, снова смотрит на меня.

Я до сих пор не верю, что это он. Прошло столько времени, я уже... Боже, как давно я его не видела.

– Добрый вечер, Джил, – говорит он и, не замечая Истона, продолжает, – нам нужно срочно поговорить. Наедине.

Я настолько шокирована его появлением, что не нахожусь с ответом, Истон, взявшись за мой подбородок, поворачивает лицо к себе, слегка касается своими губами моих и, отстранившись, говорит:

– Я буду за дверью.

– Хорошо. Спасибо.

И как только дверь закрывается за спиной моего парня, я вновь смотрю в глаза Майклу и говорю:

– Не нужно быть таким грубым, – он молчит. – Что ты вообще забыл в моей комнате? Когда ты приехал? Зачем?

Следующий вопрос я не успеваю задать, Майкл подходит ко мне вплотную и, смотря на меня сверху вниз, говорит:

– Я приехал за тобой.

– Что?

– Собирайся, мы уезжаем.

– Когда?

– Сейчас же.

Майкл стоит так близко, что я чувствую его дыхание на своём лице. Он даже не подозревает, как я по нему скучала все эти годы. И не узнает. Я больше не позволю себе упасть так низко, как в прошлый раз, но всё же сожаление о нашем последнем прощании дает о себе знать. Сглатываю ком в горле и тихо говорю:

– Я рада, что ты жив. – Майкл облизывает губы и бросает взгляд на дверь, что находится позади меня. – Я рада, что ты... вернулся.

Майкл возвращает ко мне янтарные глаза и вглядывается, кажется, в самую душу. Мне становится неуютно и зябко.

– Джил, я не рад, что я здесь, – говорит Майкл, разбивая меня снова. Он опять делает мне больно. – Будь моя воля, я бы никогда не вернулся.

Глава вторая

Джил

Да как он смеет так со мной разговаривать? Явился, видите ли, когда его не звали, и ещё указывает, что мне делать.

И причиняет боль.

Его слова не должны трогать меня за живое, но это не так.

Совсем не так.

Прошло много времени, а внутри меня всё ещё что-то тянется к нему. Как цветок к солнцу. Как маленький беззащитный котенок к добрым рукам.

– Я никуда не поеду, – говорю я, демонстративно прохожу мимо него и сажусь на кровать.

Не нужно было садиться. Теперь Майкл забрал жалкие остатки свободного пространства. Мне даже дышать тяжело. Раньше, когда я была маленькой, Майкл всегда был добр ко мне. Всю жизнь я считала его другом, а потом решила, что он может быть мне больше, чем друг. Это не привело ни к чему хорошему.

Мы отдалились.

Я его потеряла.

Потеряла часть себя, которая, кажется, вернулась, но я не в силах этого вынести. Возможно, я уже не хочу, чтобы эта частица вновь появлялась в моей жизни.

Майкл оборачивается ко мне, я стараюсь не смотреть на

него, но мои проклятые глаза не могут не вернуться к нему. Он изменился. За три с половиной года он стал взрослее, сильнее. Вроде, он всё тот же: загорелая кожа, черные волосы, янтарные глаза, небольшой шрам на подбородке, который, кстати, оставила я. Когда мне было десять, а Майклу примерно шестнадцать или семнадцать, я посетила Хелл вместе с папой. Майкл, как всегда, остался присматривать за мной. Я нашла в его вещах пистолет и случайно выстрелила, пуля пролетела прямо рядом с лицом парня и рассекла ему подбородок. Если бы Майкл не был необычным, то я продырявила бы ему голову, но он успел уклониться и, более того, никому не сказал, откуда взялся шрам. Это был наш секрет. В знак сожаления я сделала ему маленький браслет из черных бусин.

– Джил, не води себя как маленький ребенок, – говорит он, и я тут же проваливаюсь в воспоминания о том злополучном дне рождения.

Воспоминания заставляют меня злиться ещё больше.

Встаю с кровати, подхожу к Майклу, тычу пальцем ему в грудь и шиплю, как змея:

– Я больше не ребенок!

Майкл перехватывает мою руку и, смотря мне прямо в самую душу, говорит:

– Я заметил.

Что? К чему ты это сказал?

В районе груди зреет тепло, а щеки заливают румянцем.

Этот разговор, он... он странный. Как и взгляд Майкла, который исследует моё лицо, словно мужчина впервые меня увидел.

В этот момент открывается дверь комнаты, и внутрь входит Истон.

– Джил? Всё в порядке?

– Да, – отвечаю я и пытаюсь забрать свою конечность из горячей руки Майкла.

Майкл не отпускает меня и говорит тоном старшего брата, которым он мне не является:

– Собирайся, мы уезжаем. Сейчас же.

– С чего ты ре...

Но Майкл не дает мне договорить. Его взгляд становится печальным, но голос по-прежнему холоден:

– Джей отправила меня за тобой.

Краска уходит с моего лица.

– Мама?

– Да.

Истон полностью входит в комнату и прикрывает за собой дверь. Оказавшись рядом с нами, он переводит взгляд с меня на Майкла и обратно. Но в данную минуту я не могу думать о том, как со стороны выглядит этот немой диалог. Если мама нашла Майкла и отправила его за мной, значит всё плохо.

– Где папа? – с замиранием сердца спрашиваю я.

– От него нет вестей уже шесть месяцев, – говорит Майкл и наконец-то отпускает мою руку.

– Джил? Всё будет хорошо, – говорит Истон, подходит ко мне и кладет руку на плечо. – Я поеду с тобой.

– Хорошо, – на автомате отвечаю я, и начинаю быстро перемещаться по комнате, хаотично скидываю нужные и ненужные вещи на кровать.

Метаюсь по комнате и не замечаю ничего вокруг. Тишина давит на меня, а жуткие мысли не дают покоя. Почему мама не рассказала, что папы так долго нет? Я знаю, что он и мистер Хантер уехали в Коалицию, но они давно должны были вернуться. Я пару раз в неделю связываюсь с мамой по рации, но она и словом не обмолвилась. О, Боже!

Собираю вещи, Истон берет набитую доверху сумку, и мы втроём идем к директрисе. Оказывается, Майкл уже предупредил её о том, что я уеду на неопределенный срок, а вот по поводу Истона возникли проблемы.

– Истон, у нас не так много хороших военных, я не могу отпустить тебя. – Категорично заявляет директриса.

– У меня должны быть отгулы, – говорит он, и я вижу, как Истон начинает злиться. Вена на виске становится видна, челюсти плотно сжаты.

Майкл стоит у двери и, сложив на груди руки, внимательно смотрит на меня. Я чувствую его взгляд, но проблема в том, что я совершенно не понимаю, что он символизирует. И в данный момент я не хочу в этом разбираться.

Пора взрослеть, Джил.

В итоге спор Истона и мисс Эвери заходит в тупик. Майкл

отталкивается от стены и подходит к столу директрисы. Стоя за спинами мужчин, я замечаю, что Истон немного проигрывает Майклу в росте, но плечи его чуть шире. У них у обоих темные короткие волосы. Как-то Кейт сказала мне, что Истон – это блеклая копия Майкла. Но я так не считаю. Истон открытый, добрый и милый, он никогда в жизни меня не обижал. Он никогда не причинял мне боль. В отличие от Майкла.

– Мисс Эвери, у меня нет времени на ваши пререкания. Что должно произойти, чтобы вы отпустили его? – спрашивает Майкл.

– Мистер Майкл... – начинает директриса.

– Просто Майкл.

– Майкл, ему ни один раз предлагали перейти в другие города, и он отказывался, в связи с этим...

– Тогда я сейчас забираю его в Хелл, он будет служить под моим началом.

– Но...

Майкл поднимает руку ладонью к мисс Эвери, и она тяжело сглатывает всё, что хотела сказать.

– Я готов подписать документы.

Мисс Эвери ничего другого не остается как дать Майклу формуляр. И отныне Истон становится служителем Хелл. Больше он не является гражданином Подземелья.

Покидаем кабинет мисс Эвери, но я быстро возвращаюсь и, стоя на пороге, говорю:

– Пожалуйста, присмотрите за мистером Беринаром. Его давление совсем плохо.

– Хорошо, – холодно отвечает директриса, но тут же добавляет более мягко, – будь осторожна.

Киваю в ответ и выхожу из кабинета. И тут же вижу разъярённую Кейт, она идет грозным шагом и, практически сбив Истона с дороги, подлетает ко мне:

– И что это значит? Прихожу я, значит, в твою комнату, а там мало того пусто, так ещё и вещей твоих нет, – упирает руки в бока, – и куда это ты без меня собралась?

– Я уезжаю.

– П-ф-ф. Я тоже, – говорит она.

Я даже не подумала позвать её с собой. Она поехала в Подземелье с единственной целью, и, как мне известно, она не выполнена. Её отец до сих пор жив.

– А как же твой отец? – спрашиваю я.

– И без меня сдохнет. Последние три дня ему не сладко. Он уже не просто кашляет кровью, его ею рвет.

Майкл говорит:

– Я не собираюсь ещё и по поводу тебя договариваться. У нас нет времени.

И не дождавшись нас, он разворачивается и уходит по узкому коридору.

– Это и не нужно, – отвечает подруга и, открыв дверь кабинета директрисы, кричит, – мисс Эвери?! Я уезжаю из Подземелья.

– И слава Богу! – кричит в ответ директриса.

– Подписать что-то нужно? – спрашивает подруга.

– Нет! – отвечает мисс Эвери.

Кейт оборачивается к удаляющейся спине Майкла и с победоносной улыбкой сообщает:

– И никого упрашивать не пришлось.

Майкл останавливается, а подруга, присвистнув, быстро подходит к нему. Мы с Истоном идём последними.

– Твою мать, Майкл, да ты изменился! – восклицает Кейт, и, остановившись возле мужчины, тычет пальцем ему в бицепс, – стероиды что ли?

– Кейт, будь добра, помолчи, – говорит Майкл и отодвигает подругу в сторону, словно она ничего не весит, она выпучивает глаза и, смотря на меня, одними губами говорит: "Bay!"

По словам Майкла у нас нет времени. Мы не забираем вещи Кейт и Истона. Прямоком идем к единственной двери, что ведет наружу.

Уходим из Подземелья и, поднявшись наверх, я содрогаюсь от прохладного вечернего ветра. Живя в Подземелье, мы крайне редко выходим наружу. И то эта привилегия есть только у военных и посыльных, остальные ждут поезда и только потом могут уехать в какой-то из городов, но и это тоже происходит редко. Я уже полгода не была на поверхности. Воздух кажется вкусным и слишком свежим.

– Где поезд? – спрашиваю я, смотря на пустую желез-

ную дорогу.

– Его нет, – отвечает Майкл и идет в сторону. Переглядываемся с Кейт, потом с Истоном, но всё же молча следуем за Майклом и, обойдя деревья, останавливаемся у двух черных внедорожников. Это не простые машины, они более усовершенствованные. Такие же есть и в Кресте, ими пользуются только разведка и патрульные, что охраняют периметр за стенами города. Спереди и сзади приспособления в виде кольев, они выпирают примерно на метр от машины. Наверху стоят большие прожекторы.

– Это небезопасно, – говорит Истон.

– У нас нет времени на безопасность, – отвечает Майкл.

"У нас нет времени" – фраза сегодняшнего дня.

Из машин выходят двое мужчин и одна женщина.

– Знакомьтесь, – начинает Майкл и указывает на меня, – это Джил, именно её мы должны доставить в Крест. Любой ценой. Это Кейт, и советую вообще не слушать, что она говорит, это Итон.

– Истон, – поправляет Майкла мой парень.

– Истон, и теперь он служит под моим началом, то есть отныне в нашей команде не четверо, а пятеро, – указывает на женщину с темной кожей и миндалевидными глазами, она одета во всё черное, как и остальные, на голове бандана, и поэтому я не вижу цвета и длины её волос, – это Ронда, она специалист по взламыванию.

– Взламыванию чего? – спрашивает Кейт.

– Всего, – отвечает Ронда и подмигивает подруге, – могу вскрыть и черепную коробку, и коробку передач. Любой замок, даже если он кодовый.

Майкл продолжает знакомить нас с мужчинами. Указывает рукой на огромную гору мышц:

– Это Фредерик или просто Рик, он отменный стрелок и минер.

Фредерик или просто Рик кивает нам своей лысой головой и возвращается к машине. Остается ещё один незнакомец, он ниже всех собравшихся мужчин и немного сдаёт в габаритах. А его взгляд – это мороз по коже. Голубые холодные глаза, кажется, могут заморозить даже котел в аду, вместе со всеми чертями в придачу.

– Это Убийца, – представляет Майкл и как ни в чем не бывало командует. – По машинам! Рик, Ронда и Истон, вы едете в той машине. Джил, Убийца, я и, к сожалению, Кейт – в этой.

Истон подходит к Майклу и, смотря ему в глаза, говорит:

– Я бы хотел поехать с Джил.

Майкл смотрит на Истона и молчит. Слегка склоняет голову набок и спрашивает:

– Для чего?

– Чтобы...

– Это был вопрос, на который не стоит отвечать, – говорит Майкл. – Истон, это был приказ, а приказы в моём отряде не обсуждаются.

Подхожу к Истону и беру его за руку. Увожу немного в сторону.

– Со мной всё будет в порядке, – говорю я. – Если что-то случится, Майкл не даст меня в обиду.

– Я переживаю за тебя, – отвечает Истон, бросает взгляд на Майкла, – вот именно из-за таких заносчивых, как он, я и отказывался переезжать из Подземелья...

Прикрываю ладонью рот Истона и напоминаю:

– Истон, Майкл слышит всё, что ты говоришь.

Он убирает мою руку от своего лица.

– Я знаю, – отвечает Истон и легко поцеловав меня в губы, уходит к машине, скрывается за черной тонированной и бронированной дверью.

Убийца и Кейт уже сели в машину, подхожу к Майклу и говорю:

– Он просто хотел быть рядом и успокаивать меня. В этом нет ничего плохого.

– Говорить, что всё будет хорошо? – спрашивает Майкл.

– Да.

– Хорошо уже не будет, – произносит Майкл, и у меня проносится мороз по коже. – Я посадил его в другую машину, чтобы он прошёл инструктаж. Рик всё объяснит ему по дороге. Есть ещё вопросы или пожелания?

Он зол. Несмотря на время, что я его не видела, я чувствую, когда он злится, и раньше это крайне редко касалось меня.

– Да почему ты на меня злишься? – не выдержав, спрашиваю я.

Он молчит.

– Это я должна злиться, а не ты.

Зная, что он не ответит, я иду к машине и понимаю, что свободные места – это водительское и пассажирское спереди. Забираюсь на пассажирское и, пристегнувшись, смотрю вперед.

До этого на машине я ездила только внутри Креста и Хелл, но никогда не была внутри автомобиля за пределами защитных стен. Водитель занимает своё место, и тихое урчание мотора заполняет гнетущую тишину. Вжимаюсь в пассажирское сиденье и бросаю осторожный взгляд на Майкла. Он выезжает на ухабистую дорогу и прибавляет скорость.

– Что-то не так? – спрашивает он.

Очень многое не так.

Но немного успокоившись, я понимаю, что не хочу с ним ругаться или пререкаться. Я не такая. Не люблю конфликты.

– Тебя не было больше трех лет, – говорю я, – где ты был?

– Где я только не был, – отвечает Майкл, поворачивает направо и приказывает, – открой бардачок.

Делаю, как сказано, и мой взгляд натывается на черный пистолет.

– Возьми. – Говорит Майкл.

Беру оружие и кладу его себе на колени. В наше время не может возникнуть вопроса: "Умеешь ли ты им пользоваться-

ся?". Все умеют. Даже те, кто никогда не выходил за стены.

– Что с мамой? – спрашиваю и боюсь услышать ответ.

– Она сама тебе всё расскажет.

– А ты не можешь?

– Нет.

Смотрю на заходящее солнце и осознаю – произошло что-то поистине ужасное. Майкл даже не стал ждать рассвета, выдвинулся в ночи.

Слышу разговор на заднем сиденье.

– А почему твоё имя Убийца? – спрашивает Кейт.

– Ты это серьезно? – переспрашивает тихий низкий голос.

– Да. Ну может ты убийца веселья, мне-то откуда знать?

– Можешь помолчать?

– Я пытаюсь вести дружескую беседу. – Серьезно говорит Кейтлин.

– Мы не друзья, – спокойно отвечает Убийца.

– Это потому что ты меня ещё плохо знаешь.

Дальше я ничего не слышу, тихий рев мотора и монотонный разговор пассажиров сзади успокаивают меня, и я засыпаю.

Просыпаюсь, оттого что мне затыкают ладонью рот. Хватаюсь за руку, что давит мне на лицо, и, выпучив глаза, собираюсь закричать, но янтарные глаза Майкла парализуют меня. Он склоняется к самому уху и слишком тихо говорит:

– Мы приехали к дому. Но за ним восемь тварей. Через пять секунд я открою дверь, и ты побежишь к красной двери.

Будешь бежать так, как никогда раньше не бегала. Поняла?

Киваю прежде, чем усваиваю информацию. Майкл убирает руку от моего лица, высовывает левую руку в открытое окно и показывает какой-то знак. Потом резко наклоняется ко мне, открывает дверь и отстегивает ремень безопасности. Сжимаю в руке пистолет, выскакиваю наружу и в двадцати метрах вижу двухэтажный дом, с красной дверью. Кейт хватается меня за руку, и мы бежим что есть силы.

Несмотря на то, что моё сердцебиение медленнее, чем у всех остальных, я чувствую, как от страха оно набирает обороты и отдает барабанной дробью в ушах.

Я никого не вижу и не слышу, но я знаю, какой у Майкла слух и доверяю ему.

А потом я слышу... я слышу их.

Мерзкое чавканье и громкий стрекот кузнечиков, именно так бы я описала этот звук.

Из-за темного силуэта дома появляются фигуры. Они не похожи на людей. Только лишь отчасти. Кто-то движется на четвереньках, кто-то практически ползком, но их скорость — она поразительно быстра.

Позади нас гремят выстрелы. От страха я останавливаюсь и, бросив руку Кейт, навожу прицел на тварь, которая несется прямо на меня.

Но я не стреляю.

Ступор.

Шок.

– Джил, пригнись! – кричит Майкл.

Я одеревенела. Все наставления мистера Беринара пролетают перед глазами.

Силуэт приближается, и кто-то стреляет ему прямо в голову. Тело ещё делает пару шагов и падает к моим ногам. Меня хватают за руку и практически волоком затаскивают в дом.

Оборачиваюсь. Это Истон. Он моментально сгребает меня в охапку и утыкается носом мне в волосы.

Меня колотит.

Отталкиваю его от себя и прохожу в темноту дома.

Меня мутит.

Отдаленно слышу выстрелы и командный голос Майкла.

Стук закрывающейся двери. Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Майклом.

– Ты сдурела?! – кричит он, – я сказал беги! Какого черта ты остановилась?!

– Она испугалась! – кричит Истон и встает между мной и Майклом.

– Отойди, – тихо и, казалось бы, спокойно произносит Майкл.

Меня душат непролитые слезы. Я сейчас не в силах оправдывать себя или мирить их. Мне страшно. Я... я никогда не видела тварей.

Разворачиваюсь и поднимаюсь на второй этаж по темным ступеням. Нащупываю ручку какой-то двери и, открыв её,

вваливаюсь внутрь. Снизу доносятся крики, но я стараюсь их не слушать. Меня настигает истерика. Я ведь даже не рассмотрела не мертвого, но испугалась так, что никогда не забуду этого страха.

Руки дрожат, слезы готовы пролиться. Медленно опускаю пистолет на пол и сжимаю пальцы в кулаки.

Я чуть не умерла.

Дверь открывается, и по звуку шагов и тишине на первом этаже я догадываюсь – это Майкл.

– Я сказал бежать, – уже спокойно говорит Майкл.

– Я слышала, – обнимаю себя руками, не поворачиваясь к нему лицом, – я... я испугалась.

Два шага, и Майкл подходит прямо ко мне. Оборачиваюсь, но практически не вижу его.

– Это тебе не страшно. А я. Я. Я испугалась! – меня начинает мандражить с новой силой. – И хватит на меня кричать.

– Я не кричу.

– Ты кричал! Ты никогда не повышал на меня голос. Никогда! Я понимаю, что ты ничего не боишься и тебе сложно понять...

– Ошибаешься. Всем бывает страшно, – тихо говорит он.

– Не поверю, что ты испугался тварей.

Майкл молчит какое-то время, но мне кажется, что он подошел ещё ближе.

– Я испугался... когда ты остановилась, – Майкл кладет руки мне на плечи и слегка сдавливает их, – я не мог стре-

лять, так как был прямо за тобой, я бы не успел догнать тебя, я ничего не мог сделать, и если бы Рик не застрелил тварь, то...

– Не договаривай, – прошу его я и в противовес всем своим убеждениям, держаться на расстоянии, обнимаю Майкла. Мне нужно, чтобы он ответил тем же. Я просто развалюсь на множество осколков, если он и сейчас оттолкнет меня.

Я не прошу от него большего, чем дружескую поддержку. Сейчас мне просто нужен друг. Тот старый Майкл, что успокаивал меня и залечивал раны, полученные в итоге моих проказ.

Он тяжело вздыхает и сжимает меня в крепких объятиях. Слезы наворачиваются на глазах, и я ещё крепче прижимаюсь к нему.

Майкл проводит рукой по моим распутившимся волнистым волосам и тихо шепчет:

– Только не плачь.

И слезы, словно послушав его, отступают.

Не проходит и тридцати секунд, Майкл отстраняется и молча выходит за дверь.

Что это было?

Провожу руками по лицу, взъерошиваю волосы и прикрываю глаза. Считаю до пяти, нахожу на полу пистолет и тоже выхожу. Внизу горит свет и там уже идет бурное обсуждение чего-то. Спускаюсь вниз и сажусь на предпоследнюю ступеньку рядом с Кейт.

– Прости, – говорю ей.

– Всё норм, я сама охренела от увиденного. Но главное, все целы.

– О чем они спорят? – спрашиваю я, смотря на Убийцу, Рика и Ронду, которые что-то бурно обсуждают. Истон, увидев меня, подходит и садится рядом, спрашивает, как я, и естественно, получает ответ: "Нормально".

Входная дверь открывается, на пороге возникает Майкл.

– Тварей больше нет, – говорит он, – Рик, Убийца и Истон заправьте машины. Кейт и Джил, Ронда покажет вам где боеприпасы. Через пять минут мы уезжаем.

Кейт встает на ноги и спрашивает:

– Зачем мы вообще выходили из машины? Могли отсидеться там.

Убийца отвечает:

– Силы восьми тварей вполне достаточно, чтобы перевернуть машины с нами внутри. Тогда мы бы остались без средства передвижения. И мы всегда останавливаемся в этом доме. Это наш перевалочный пункт.

Дальше я уже не слышу, что говорит Убийца, в голове всплывают рассказы мамы. Большой дом, красная дверь. Именно сюда папа привез маму, когда её укусила тварь. Никогда не думала, что окажусь здесь. Я вообще не думала, что он реален. Дом из сказок мамы.

Как и сказал Майкл, через пять минут мы уехали из дома. В этот раз расположились мы так: Майкл за рулем, на пасса-

жирском Кейт, а я и Истон сзади. Перед тем как мы вышли из дома, Убийца сказал, что если окажется с Кейт в одной машине, то она скорее всего не доедет до Креста. И таким образом Истон поменялся с ним местами, и пока Кейт высказывала Убийце всё, что о нём думает, я заняла заднее сиденье.

Находясь в родных объятиях, я смотрю на рассвет, что обещает нам новый день. Надеюсь, он будет лучше предыдущего.

Глава третья

Джил

Мы ехали весь день и большую часть ночи. К счастью, нам не встретились не мертвые. Майкл объяснил, что у дома с красной дверью были слабые особи. Те, что не эволюционировали. Обычные. Посредственные. На вопрос Кейт, как же тогда выглядят другие, Майкл рассказал, что они более быстрые и сильные. Попадись они нам у дома, то меня бы снесли ещё до того, как Рик сделал спасительный выстрел.

Но больше этого меня испугало другое.

Майкл говорит, что мутирующие особи как-то могут соединять тела друг друга. Я слышала об этом от мистера Беринара, но из его уст это звучало не так жутко. По словам Майкла, несколько мутантов могут слиться в одного, не как вода из одного стакана в другой. Нет. Немного иначе. Например, монстры могут встать друг к другу спиной, и спины их срастаются, сверху залезает ещё пара и так далее, таким образом три года назад они и попали в Возрождение. Построили живую лестницу из своих тел и перелезли через ворота. Они делали это так быстро и слаженно, что люди, патрулирующие стены, даже не успели поднять общую тревогу. Кроме этого, эволюционирующие твари могут подойти друг к другу и, прижавшись плечами, срастаются воедино, и вот на тебя уже несется не просто измененный человек, а машина для

убийства на четырех ногах, с двумя руками с двумя ртами, которые хотят тебя сожрать. Майкл говорит, что их нужно убить до момента слияния, иначе, шанс выжить равняется где-то десяти процентам.

Казалось бы, это невозможно, но такова наша реальность. Ученые, что засели в Возрождении, говорят, что скорее всего к таким феноменальным способностям привела именно мутация клеток мозга. И благодаря этому, твари стали не просто мыслящими, но и опасными. Их мозг способен не только командовать телом, но и каждой клеткой в частности.

Слушая разговор Майкла и Кейт, я ещё плотнее прижалась к Истону, словно он может спасти меня от жутких мыслей. Что случится со мной, если я когда-то встречу эволюционирующего? Я и перед обычным впала в ступор. Я не готова к реалиям нашего мира. Мне было спокойно в Кресте и Подземелье, я всегда знала, что там безопасно. Но сейчас я за пределами мирной жизни. Это сравнимо с неумеющим плавать, выброшенным в океан.

Наконец вдалеке виднеется город. Высоченные стены взмывают ввысь, на смотровых башнях, словно маяки, стоят прожекторы. В ночное время они позволяют просматривать территорию за периметром, и порой помогают случайным путникам найти спокойный оплот среди окружающего ужаса.

Медленно едем по накатанной дороге к воротам Креста. На кого-то это место наводит жуть, но для меня это родина.

Даже при виде тысяч крестов, что стоят вокруг городских стен, первое слово, что приходит мне на ум, — дом.

Кресты завораживают. Есть маленькие деревянные, наклоненные в разные стороны. Присутствуют и огромные металлические. При каждом возвращении домой мой взгляд падает на два креста. Они особенные. Особенности для всех жителей родного города. Один маленький и очень старый, а второй огромный и ухоженный. По сути, именно второй крест является монументом веры и молитв горожан. К нему приносят свечи и записки. Люди читают молитвы и сжигают послания для тех, кто больше не ходит по земле.

Есть легенда, что в первый год после появления не мертвых, Преподобный — первый правитель Креста — поставил маленький крест. Это было более шестидесяти лет назад.

Раньше у города не было таких высоких стен, и не все нападения тварей получалось остановить. В первый год погибло очень много людей и особенно детей. Сыну Преподобного — правителя Креста — было всего три года, когда не мертвые растерзали его на глазах у отца и матери. Через пару дней, когда выжившие пришли в себя, Преподобный вышел за пределы разрушенной стены и поставил первый крест. Он долго молился и лил слезы о своём мальчике, которому не суждено увидеть жизнь. Люди подходили к нему и выказывали сожаление, но он никого не слушал и долгие часы разговаривал с маленьким незатейливым крестом. Удивительно, но за всё время, что он читал молитвы, никто не напал на город.

После этого данная процедура стала ритуалом, данью памяти детям, что не увидели жизни. К сожалению, жене Преподобного не удалось справиться с потерей единственного ребенка, и через месяц женщина вскрыла себе вены прямо у этого креста.

Шло время, люди погибали, а кладбище разрасталось.

Кресты стали ставить не только в память о погибших детях, но и взрослых. Сам Преподобный умер чуть больше пятнадцати лет назад и Саито Фудо, который был советником среди городов, воздвиг в его честь самый большой крест и расположил его рядом с первым. Говорят, Преподобный верил, что встретит сына и жену после смерти.

Подъезжаем к открывающимся воротам, и я отвожу взгляд от самого большого креста. В мире всегда было место для горя, а апокалипсис и вовсе вознес печаль и утрату на сановный пьедестал.

Оба внедорожника останавливаются, и я сразу же открываю дверь машины. Не думая об остальных, бегу в сторону дома. Никто меня не останавливает и не окликает. Пробегаю по знакомым улицам, поворот за поворотом, дом за домом. На секунду останавливаюсь у отчего порога, и сердце сжимается от ностальгии.

Дом моего детства.

Именно здесь я устраивала пакости и шалости. Ребенком я была куда более храброй и безрассудной, чем сейчас.

Взбегаю по ступенькам, открываю дверь и тут же слышу

ГОЛОС МАМЫ:

– Что тебе непонятно?! Я сказала, собери отряд и отправь его за Майклом! Завтра же!

– Миссис...

– Да заткнись ты уже! – кричит мама, и буквально через мгновение добавляет обманчиво спокойным голосом, – Я сказала, ты сделал. Именно так это работает, Гриро.

Оппонент не отвечает, слышу скрип отодвигающегося стула и приближающиеся шаги. В коридор выходит мистер Гриро, друг папы и его правая рука. Увидев меня, темноволосяй мужчина выпучивает глаза и улыбается:

– Боже, Джил, каким судьбами?

Обнимаю огромного Гриро и отвечаю:

– Соскучилась по дому.

Друг папы шепчет:

– Твоя мать снова бушует, беги к ней и раздобри сердце мегеры. – Он часто так называет маму, но слово "мегера" в его исполнении – это комплимент.

Улыбаюсь ему и вхожу на кухню. Мама стоит ко мне спиной. Она, как всегда, одета в военную форму. Она говорит, так ей удобнее. Черные штаны с множеством карманов, синяя майка и черные, начищенные до блеска, военные ботинки. Темные волосы собраны в высокий хвост. Она стоит, уперевшись руками в кухонный стол. Вся её поза сквозит напряжением.

Тихо стучу о косяк, и мама поворачивается. Серьезное ли-

цо сразу становится уязвимым. Подходим к друг другу и обнимаемся. Вдыхаю родной запах и ещё сильнее сжимаю маму в объятиях.

Я так скучала.

Какой бы взрослой и самостоятельной я себя не считала, рядом с мамой и папой я всегда маленькая девочка. Ощущаю себя таковой и мне это нравится.

Если бы вы увидели маму, то никогда бы не догадались, что больше девятнадцати лет назад она родила ребенка. Она не выглядит на свой возраст, ей от силы можно дать лет тридцать, то же самое с папой и мистером Хантером. Дрянь, что досталась им от тварей, сохраняет их силу и молодость. Но этого не скажешь о Саманте – жене мистера Хантера, я слышала их с мамой разговоры, и она очень переживает по поводу появляющихся морщин и редких седых волос.

– Ты дома, – говорит мама и, отстранившись от меня, разглядывает моё лицо. – Детка, ты прекрасна. – Улыбка мамы вздрагивает. – Сколько сердец разбила?

О своём молчу и с улыбкой отвечаю:

– Только сердце Истона. Но ты об этом уже знаешь.

Я познакомила родителей с Истоном больше года назад. Это нужно было видеть. Мы сидели за этим самым кухонным столом и всем было до невозможности некомфортно. Папа сверлил Истона холодным взглядом. Кажется, за весь ужин он так ни разу и не моргнул. Мама пыталась вести диалог, задавала Истону вопросы, и на каждый его ответ папа фыр-

кал, как буйвол. Я глупо улыбалась и подливала всем чай. Истон – первый парень, с которым я начала встречаться. Он замечательный, и я надеюсь, что папа это когда-нибудь увидит. Мама говорит, что даже если Святой спустится с небес, папа скажет, что и он недостаточно хорош для его принцессы. Маме Истон понравился. Но она сказала, что главное, он нравится мне, и если папа не пристрелил Истона на месте, то у нас, возможно, и будет будущее.

– Он с тобой? – интересуется мама.

– Я оставила его у машины. Бежала к тебе.

Мы снова улыбаемся друг другу. Мама отступает и говорит:

– Садись за стол. Не думаю, что Майкл останавливал машину для приема пищи.

– Не останавливал, – отвечаю я и сажусь за стол.

– Где он?

– Тоже был у машины, сейчас не знаю. – Складываю руки на столе и задаю вопрос, ответ на который боюсь услышать. – Что с папой?

Спина мамы каменеет, и на мгновение она прекращает накладывать еду в тарелки. Но, спохватившись, снова продолжает своё занятие. Ставит передо мной кашу и стакан молока. Как в детстве. Садится напротив и, смотря мне в глаза, говорит:

– Ты знаешь, что он уехал с Хантером. Но тебе неизвестно, что они уже полгода не выходят на связь. – Мама скла-

дывает руки на столе и, перебирая пальцами, продолжает, — мы не знаем, где они и что случилось. Последний выход на связь был с точки на карте, о которой нам ничего неизвестно, но мы полагаем, что там размещён какой-то из объектов Коалиции.

— Почему ты молчала?

— Не хотела тебя расстраивать.

От этих слов я напрягаюсь ещё больше. Отодвигаю тарелку с кашей, немного подаюсь вперед и спрашиваю:

— Тогда почему сейчас расстраиваешь?

Мама смотрит на меня какое-то время, словно раздумывает, что можно мне рассказать, а чего не стоит. Вглядываюсь в её удивительные зеленые глаза, подмечаю крапинки в них, стараюсь хоть как-то успокоить себя созерцанием привычных вещей, но не выдерживаю тишины и прошу:

— Мама, говори, как есть.

— Идем. — Резко отрезает мама и встает со стула. Вместе покидаем дом. Она быстрым шагом удаляется в сторону больницы. Догоняю её, и мы молча входим в знакомые мне светлые коридоры. С нами все здороваются, но на разговоры не останавливаются. Врачи, как всегда, снуют туда и обратно. У них нет времени на пустые разговоры. Никогда нет.

Доходим до бывшего кабинета доктора Макларена и, достав ключ, мама открывает дверь. О, боже! Кругом разруха. Уничтожено всё. Бросаю взгляд на самый дальний стеллаж. Там хранится вакцина для мамы. Он разбит вдребезги. Пе-

реступаю порог и под хруст битого стекла иду к шкафу.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Кто-то пробрался внутрь и всё уничтожил, – холодно говорит мама. – Это случилось месяц назад.

Резко оборачиваюсь и почти вскрикнув, спрашиваю:

– Вакцины больше нет?

– Есть. Я нашла три уцелевших бутылка, они закатились под стеллаж. Кровь Майкла, что хранилась в холодильнике, пропала.

– Из-за этого ты кричала на Гриро? Чтобы он поехал за папой? И поэтому отправила Майкла за мной?

Теперь всё приобретает определенный смысл.

– Да. Если... Майкл жив, то он должен знать, что мне осталось всего два месяца, может даже меньше, – говорит мама и подходит ко мне. Её лицо выражает вселенскую любовь, но сейчас я испытываю тихий ужас. Думаю, он отчетливо читается на моём лице. Мама поджигает губы и, словно решившись, заканчивает свой монолог. – И на случай, если твой папа не объявится, я хочу провести эти недели с тобой.

Мороз проносится по коже.

– Он появится, – уверяю я. – Ты же знаешь, папа не допустит... этого.

У меня язык не поворачивается, чтобы сказать "твоей смерти". В груди становится так погано, что хочется вырвать сердце.

– Возможно, – отвечает она.

Вернувшись в дом, я так и не поела. Сходила в душ и переделалась в свою обычную домашнюю одежду. Свободные брюки и футболка. Мокрые кудрявые волосы заколола на макушке и, спускаясь вниз, обнаружила в кухне Майкла, Кейт, Истона и маму.

– Простите, что так сбежала, – говорю я и спускаюсь с лестницы, заправляя выбившиеся пряди за уши.

Истон подходит ко мне и, вглядываясь в глаза, спрашивает:

– Всё хорошо?

Бросаю взгляд на маму, она отрицательно качает головой. Ясно. Говорить о попытке её убийства, а это именно она и была, – нельзя.

– Всё хорошо.

– Истон, Кейт? Я покажу ваши комнаты, – говорит мама и, уводит за собой моих друзей, провожаю их взглядом и повернувшись, ловлю взгляд Майкла.

Смотрю на него, он на меня. Мне так хочется, чтобы он успокоил меня и морально придал сил, но он не обязан этого делать. А я не в праве об этом просить.

Но я обязана кое-что ему сказать. Все мои нападки на него – это чистой воды обида за момент, что был несколько лет назад. Недавний разговор с мамой, встреча с не мертвыми и смерть моего пациента показали, что все мы не вечные и тащить груз обид и недомолвок не нужно. Рано или поздно всё это перестает иметь хоть какое-то значение.

– Майкл? – произношу я и если это возможно, то его взгляд становится более внимательным. – Прости меня. Я хочу, чтобы ты был моим другом. Я действительно вела себя как ребенок и искренне прошу за это прощения. Но... Я... я не хочу тебя потерять.

Он молча разглядывает меня, потом отворачивается и смотрит в окно. Я задерживаю дыхание и внутренне напрягаюсь. Секунда. Вторая. Третья. Майкл снова возвращает свой пронзительный взгляд ко мне.

– Я всегда был твоим другом и даже самое ужасное *ребяческое* поведение этого не изменит. Ничто не в силах этого изменить.

Фу-у-ух.

– Спасибо, – шепчу я.

Думаю, он даже не представляет, как для меня важны эти слова.

– Всегда пожалуйста.

Мама спускается вниз и, подходя к нам, говорит:

– Майкл, я не думаю, что тебе нужно сегодня уезжать.

Так ты снова уезжаешь?

Отвожу взгляд в сторону и понимаю, что новость о его скором отъезде всё же берedit душу. Когда мы увидимся в следующий раз? Увидимся ли вообще?

– Нужно, Джей, – уверяет Майкл.

– Завтра Гриро отправит отряд, и...

Майкл не дает маме договорить, перебивает её:

– Сколько отрядов ты уже отправила? Три? Четыре?

Мама поджимает губы и отвечает:

– Семь.

– Ты же сама понимаешь, что это расточительно. Людей и так немного, и неизвестно, что будет, если Майкл не вернется. Ты должна собрать вокруг себя самых преданных, а не отправлять их на смерть.

Что Майкл имеет ввиду? Для чего маме люди вокруг неё?

– Он вернется! – говорю я, даже в мыслях не могу представить другого варианта. – Папа обязательно вернется.

Но взгляды Майкла и мамы рушат мою надежду. Мне становится так неприятно оттого, что они не верят в папу так, как я. Он ведь никогда нас не подводил и сейчас не подведет.

Мама берет мои руки в свои и сжимает их.

– Надежда – это неплохо, но ты должна быть готовой к любому раскладу. Понимаешь?

– Нет. Я не готова к тому, чтобы потерять вас обоих. Это...

– Джил, ты сильная. – Уверяет мама.

– Нет. – Спорю я. – Я слабая. Мама, я вообще не сильная и никогда такой не была. Я...

Мама улыбается, но улыбка настолько печальная, что я чувствую горечь во рту.

– Детка, ты лучшее, что есть у нас с папой и когда-либо было, но если что-то произойдет, то ты должна держаться рядом с Гриро. Не отходи от него ни на шаг, пока не приедет

Майкл.

Бросаю взгляд на парня и спрашиваю у мамы:

– Почему именно Майкл?

– Потому что тебя я доверяю только ему, – уверенно про-
износит мама и сильнее сжимает мои руки.

Повисает тишина, которую нарушает Майкл:

– Джей, мне пора. Держись тут. – Говорит он и обнимает маму. – На всякий случай я оставляю Истона здесь, пусть присмотрит за Джил.

– Хорошо. – Отвечает мама и слегка прикасается ладонью к его щеке, отнимает руку, и печальная улыбка скользит по губам.

Они выглядят ровесниками, но когда мама была в ла-
пах Сенатора, немного поезавшего правителя Подземелья,
то обнаружила маленького мальчика в клетке. Она спасла его
и, несмотря на то, что большую часть жизни Майкл прожил
в Хелл, он для моей мамы как сын. В их жилах течет разная
кровь, но они одни из самых родных друг для друга людей
на планете.

– Береги себя, – шепчет мама.

Майкл отстраняется от неё и, посмотрев на меня, говорит:

– Скоро увидимся.

Майкл уходит, а я так и продолжаю смотреть на дверь, что
закрылась уже пару минут назад.

Глава четвертая

Джил

Прошло четыре дня, как я вернулась домой. Основную часть времени я провожу с мамой. Мы много болтаем и вспоминаем старые времена. При свете солнца она всегда выглядит безупречно и уверенно. Мы стараемся обходить тему о возвращении папы, но ночами я слышу, как она тихо плачет, лежа одна на большой и пустой кровати.

Я слышу, но не иду к ней.

Моя мама закрытый человек, и я знаю, как ей важна картинка уверенной и сильной женщины. За все девятнадцать лет я ни разу не видела её слез. Ни единого раза! Вот она действительно сильная. Только оставшись наедине сама с собой, мама позволяет печали захватить её. Лишь папе позволено делить с ней невзгоды.

Я же другая. Мне повода для слез не нужно. Я могу заплакать практически от любого момента. Если увижу маленького брошенного котенка или стукнусь мизинцем о тумбочку. Меня легко растрогать или обидеть. Я куда более осторожная и даже трусливая, чем моя мама.

Кейт тоже не пристает ко мне с разговорами. Когда мы стали с ней дружить, то главным её условием было – никаких глупых вопросов. Это касается всего. Мы разговариваем на разные темы и обсуждаем множество общих моментов, но

разговоры по душам – это табу. Мы не достаём с этим друг друга. И вы не поверите, но эта часть нашей дружбы самая привлекательная. Никто не пытается залезть другому в душу и разбередить там действительно важные моменты.

Но если же появляется тема, которая действительно волнует кого-то из нас, то мы это обсудим. Последний раз это были ночные кошмары Кейт. Прошло примерно три месяца с этого разговора. Она пришла ко мне посреди ночи и сказала: "Нужно поговорить". И этих двух банальных слов достаточно, чтобы понять – произошло что-то серьёзное. В ту ночь Кейт несколько часов рассказывала мне о том, что ей снится мама, и она просит убить ублюдка отца. Кейт плакала, а я успокаивала её. На утро мы сделали вид, что ничего не произошло.

Она высказалась. Я выслушала.

Стало ли от этого кому-то легче – непонятно, но только так мы ведем душевные беседы. И казалось бы, я должна поделиться своими переживаниями с Кейт, но я не могу.

Не сейчас.

Я просто не готова.

За эти дни Истон полностью покори́л мою маму. В прошлый раз недовольный вид папы явно мешал Истону быть самим собой. Но сейчас я часто застаю, как мама и мой парень сидят на кухне и обсуждают всякий бред, словно они знакомы тысячу лет.

Вот и сейчас я спускаюсь со второго этажа и вижу, как Ис-

тон и мама беседуют за чашечкой горячего чая. Разглядываю парня – высокий, статный, темные волосы и зеленые глаза. Он более чем симпатичный. Кейт говорит, что у нас будут красивые дети. Она постоянно забывает о том, что, возможно, мне не стоит иметь детей. Ведь неизвестно, как ген тварей поведет себя в этом случае.

– Детка, присаживайся к нам, – говорит мама.

Сажусь рядом с Истоном, он сплетает наши пальцы и сжимает мою руку под столом. Сжимаю его ладонь в ответ и ловлю мамин взгляд, который скачет от меня к Истону и обратно. Она отставляет чашку с чаем и, закатив глаза, говорит:

– Я не хочу быть той матерью, что постоянно сует нос в дела взрослой дочери, но не могу не спросить, – останавливает взгляд на Истоне, – Истон, ты мне нравишься, но Джил у меня одна, и я хотела бы знать о твоих намерениях.

– О, мама, прекрати, – прошу её я и прикрываю горячие щеки руками. – Что ещё за *намерения*? Ты перечитала любовных романов?

– Это по части Саманты, она поглощает книги как сумасшедшая. Просто вы давно встречаетесь и...

Она замолкает и кивает Истону. Он говорит:

– Мои намерения самые что ни на есть чистые. Я люблю вашу дочь и хочу прожить с ней всю жизнь.

Сердце сжимается от слов Истона. Мы вместе полтора года, а порой кажется, что намного больше. Иногда мы на од-

ной волне, но бывают моменты, когда я совсем его не понимаю. Словно мы с разных планет. Мне приятно и стеснительно слышать его признание. Он даже не сомневался. Но слова Истона всё же оставляют горечь.

Я сомневаюсь.

Я не уверена.

Стук в дверь прерывает этот неловкий момент. Через пять секунд в кухню входит мистер Гриро. Он с улыбкой приветствует нас и забирает маму на очередной совет. Она уходит, прихватив папку со стола, но, остановившись на пороге, говорит:

– Только ведите себя прилично, я не планирую в ближайшее время становиться бабушкой.

– Мама! – вскрикиваю я, она пожимает плечами и с широкой улыбкой на лице уходит.

– Твоя мама замечательная, – говорит Истон, тихо посмеиваясь.

– Что есть, то есть.

Истон берет мою руку в свою и тянет к себе.

– Иди сюда, я соскучился, – уже без тени улыбки говорит Истон.

Забираюсь к нему на колени и смотрю в родные глаза. Он поднимает руки и отводит мои кудрявые волосы в стороны. Притягивает лицо к себе и, остановившись в миллиметре от моих губ, тихо шепчет:

– Всё, что я сказал твоей маме, – чистая правда.

Дыхание спирает.

А потом наши губы сливаются.

Сначала поцелуй мягкий и наполненный нежностью, но потом он меняется. Становится горячим и жаждущим. Отстраняюсь от Истона и, открыв глаза... вижу перед собой Майкла. Быстро моргаю, и видение исчезает. Сердце разгоняется до предела, и я чувствую себя предателем. Как такое произошло? Я ведь о нём вообще не думала! Слезаю с колен Истона и сажусь рядом.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Ничего, – у меня язык не повернется сказать ему о том, что я целовала его, а мой проклятый мозг нарисовал картинку другого лица.

Это как измена.

Возможно, даже хуже.

Меня спасает Кейт. Зевая, она спускается со второго этажа и на последней ступеньке сладко потягивается.

– Привет, соня, – с улыбкой говорю я, по-прежнему пытаюсь избавиться от чувства вины перед Истоном.

Кейт прищуривает глаза и бросает взгляд на меня, потом на Истона.

– И чем это вы тут занимаетесь? Извращенцы, даже солнце ещё не село.

– Кейт, это не твоё дело, – говорит Истон при этом в его тоне слышится смех.

– Кто так решил? Всё, что касается Джил, – моё дело. И

если ты распускаешь руки, то... – она прикрывает рукой рот и говорит мне, но слышат это все, – ты против, чтобы он распускал руки?

Мы уже были близки с Истоном и не единожды. Мне было приятно. Боже, что за мысли в моей голове? Спросили меня совершенно о другом.

– Нет, – отвечаю я и думаю, что сегодня все сговорились и решили ввести меня в краску на целые сутки.

Кейт убирает ладонь от лица и говорит:

– Тогда ладно. Извращайтесь дальше.

Показывает Истону знак – "я слежу за тобой" и уходит на кухню. Брякает кастрюлями, что-то напевает себе под нос, а мы с Истоном, переглянувшись, улыбаемся друг другу, но я вижу в его взгляде вопрос.

В этот день мы втроём прогулялись по городу, сходили в церковь, и я просила Бога, чтобы он вернул папу, Майкла и мистера Хантера домой. Дальше мы сходили в больницу. Мы с Кейт записались в медсестры и с завтрашнего дня должны приступить к работе. Истон сказал, что будет тенью ходить за мной. Это вроде как приказ Майкла, но он и без этого рад быть рядом.

В этот вечер мама пришла слишком поздно. Мы уже разошлись по своим спальням. Но услышав шаги мамы, я села на кровати. Она немного приоткрыла дверь и, заглянув внутрь, спросила:

– Спишь?

– Нет.

Мама вошла и забралась на мою кровать. Я положила голову ей на колени, и она стала перебирать мои волосы. Так, как это было в детстве. Когда мне снились кошмары, мама или папа всегда приходили ко мне и рассказывали выдуманные сказки. Под их голоса я сладко засыпала. Моё детство... о таком многие даже не смеют мечтать. Оно было идеальным, теплым и восхитительным.

– Мам?

– Что, детка?

– Майкл найдет папу.

– Думаю, да. Не рассуждай о плохом на ночь.

– Я, наоборот, думаю о хорошем. Как папа вернется, и мы снова будем вместе.

Мама молча перебирает мои волосы, и меня начинает клонить в сон, но мамины слова заставляют глаза распахнуться.

– Ты ведь не любишь Истона.

– С чего ты это взяла? – осторожно спрашиваю я.

Мама тяжело вздыхает и объясняет:

– Всё просто, я взрослая и вижу то, чего, возможно, не замечаешь ты.

– Очень расплывчатый ответ.

– Большого я тебе не скажу. Ты сама должна всё понять и решить, как тебе жить дальше. Это твоя жизнь и твои решения. Истон хороший, и я вижу, что он действительно влюблен в тебя, а вот тебе с ним просто комфортно, безопасно и

спокойно.

В словах мамы есть изрядная доля правды. Мне действительно с Истоном комфортно и спокойно.

– Что же в этом плохого? – спрашиваю я.

– Ничего.

– У вас с папой было не так.

– Нет. – Вспоминает мама с тихим смешком. – Мы изрядно раздражали друг друга.

– И как ты поняла, что действительно любишь его?

– Когда чуть не потеряла. Но порой мне кажется, что твой папа всегда был для меня особенным. Он сотни раз спасал меня, даже когда я его изрядно раздражала. Он вставал на мою сторону, когда на ней была только я одна. Хотя, чаще всего я и была одна на своей стороне.

Мама продолжает рассказывать о их с папой жизни, и я постепенно погружаюсь в сон. В сладкий спокойный сон.

Просыпаюсь от глухого звука.

Что-то упало?

Откидываю одеяло и, свесив ноги с кровати, прислушиваюсь.

Тишина.

Может, мне показалось?

Снова удар.

Бух!

Встаю на ноги. И подтянув пижамные штаны, иду к двери. Медленно поворачиваю ручку и выглядываю в коридор. В

спальне Кейт горит свет, но кругом темнота. Возвращаюсь в комнату и беру фонарик, что всегда лежит на тумбочке у кровати.

Бух!

Да что это такое?

Выглядываю за дверь и вижу, что из комнаты напротив моей выходит Истон. В его руке пистолет. Кейт выглядывает из своей спальни, и луч света из-за открытой двери освещает коридор.

Бух! Бух!

Поворачиваю голову направо.

Звуки из комнаты родителей.

Ладони покрываются липким потом. Выхожу в коридор и прикрываю за собой дверь. Тихо подхожу к двери мамы.

Бух!

Да что она там делает? Тихо стучу, но она не отвечает. Берусь за ручку и медленно поворачиваю её. Дверь открывается, но я ничего не вижу. Ужас сковывает внутренности. Навожу свет фонаря на кровать. Там никого нет. Из открытого окна веет прохладой.

Бух!!!

Перевожу фонарь к источнику звука. Мама сидит на полу в самом углу комнаты и... и бьется головой о стену.

Сердце сжимается.

– Мама? – шепчу я.

Она словно не слышит меня и снова ударяется лбом в сте-

ну. Благодаря фонарю, вижу на светлой стене кровь.

– Мама, что ты делаешь? – спрашиваю я и захожу в комнату, Истон за мной.

Мама резко оборачивается к нам, и я вижу её лицо всего мгновение.

А потом мой фонарь выпадает из рук и гаснет.

Глаза мамы мутные и белые.

На лице кровь, нижняя челюсть трясется.

Весь мир уходит на задний план.

Всё замирает.

Ужас сковывает меня...

Я не могу дышать.

Не могу сделать и крохотного вдоха.

Не сразу понимаю, но меня начинает трясти. Делаю шаг к маме и молюсь, что всё это сон.

Чёртов ублюдочный сон!

– Уходи! – кричит Истон и толкает меня к двери.

Всё приходит в движение.

Я глотаю воздух непозволительно большими порциями. Меня накрывает черной пеленой. Я бегу, но не понимаю куда.

Оборачиваюсь.

Мама срывается с места и на четвереньках несется на нас. Истон стреляет, но я толкаю его руку, и пуля летит мимо мамы.

Страх гонит меня из комнаты.

Ужас терзает душу на части.

Моя мама! Это же моя мама!

Вдох.

Выдох.

Вдох-вдох.

Выдох.

– Кейт! Беги! – кричу я, и подруга быстро выскакивает из своей комнаты и несется вниз. Я следом, Истон за мной.

До моих ушей доносится громкий стрекот кузнечиков. Это так стучат зубы мамы. *Моей мамы!* Слезы душат меня. Я не понимаю, что происходит. Понимаю, но мозг отказывается воспринимать это за правду.

Я в прострации.

Это сон!

Ужасный сон!

Кошмар!

Мама прыгает с вершины лестницы и сносит Истона. Они падают на меня, и мы вместе валимся на пол. Легким движением руки мама откидывает Истона в сторону и забирается на меня.

– Мама! – кричу я и стараюсь оттолкнуть её от себя, но она сильна. Её зубы клацают прямо у моего лица. Слюна капает на меня. Глаза. Её глаза! Там больше нет замечательных крапинок. Всё белое. Мёртвое!

Гремит выстрел. И мама взывает от боли. На секунду она ослабляет хватку, и я отталкиваю её от себя. Кейт забрала

пистолет из обездвиженной руки Истона и выстрелила маме в плечо.

Мама жмется в темный угол, подбирает под себя ноги и рычит. О, Боже! Она как загнанный в угол зверь. Но это же мама!

– Мама, – зову я, хватаясь за ребра, что горят от моральной смерти.

– Джил, нужно уходить и предупредить остальных, – напряжённо говорит Кейт.

– Нет! – кричу я, – тогда они её убьют.

Вдох – выдох.

Секунда.

Мама снова бросается на меня. Один прыжок, и она преодолевает половину кухни. Врезаемся в стол. Переворачиваем его, и с громким рыком мама практически вонзает зубы мне в руку. Я уже рыдаю навзрыд. Кейт что-то кричит, вокруг вообще становится слишком много звуков. Но я слышу только свой плач и стрекот кузнечиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.